

ЗНАНИЕ О БИОФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье рассматривается статус биофизиологического в структуре социального и биофизиологическое как результат и фактор знания, которым обладают люди. Анализируется актуализация знания о биофизиологическом в современном обществе, а также роль биофизиологического в конституировании ткани социального. Подчеркивается, что знание о биофизиологическом становится всё более проговариваемым, прозрачным, проблематизируемым, всё менее интимным, динамично сдвигаясь по оси (публичного). Делается вывод, что биофизиологическое является не столько субстанциональным фундаментом антропологического индивидуального бытия, сколько продуктом социальных процессов конструирования, атрибутивно знаниевым и принципиально деконструируемым как учёными, так и интервенционистски агрессивными социальными институтами рынка, рекламы, политики, маркетинга, управления, права.

Ключевые слова: знание, социология знания, социальное, биофизиологическое, биополитика, интимное.

У статті розглядається статус біофізіологічного в структурі соціального і біофізіологічне як результат і фактор знання, яке мають люди. Аналізується актуалізація знання про біофізіологічне в сучасному суспільстві, а також роль біофізіологічного в конституванні тканини соціального. Підкреслюється, що знання про біофізіологічне стає все більш артикульованим, прозорим, проблематизованим, усе менш інтимним, динамічно зрушуючись по осі «публічне – особисте». Робиться висновок, що біофізіологічне є не стільки субстанційним фундаментом антропологічного індивідуального буття, скільки продуктом соціальних процесів конструювання, атрибутивно знанневим і принципово деконструйованим як ученими, так і інтервенціоністськи агресивними соціальними інститутами ринку, реклами, політики, маркетингу, управління, права.

Ключові слова: знання, соціологія знання, соціальне, біофізіологічне, біополітика, інтимне.

The status of biophysiological in structure of social both biophysiological as result and a factor of knowledge which people possess is considered in article. Updating of knowledge about biophysiological in modern society, and also a role of biophysiological in an institutionalization of social fabric is analyzed. It is emphasized that the knowledge about biophysiological becomes more and more pronounced, transparent, problematized, all less intimate, dynamically moving on an axis "personal – public". The conclusion that biophysiological is not the substansional base of anthropological individual life, but a product of social processes of designing, atributely knowledge-based and essentially deconstructed by scientists and interventionally aggressive social institutes of market, advertizing, policy, marketing, management, the right is drawn.

Keywords: knowledge sociology, knowledge, social, biopolitics, biophysiological, intimate.

Социология как наука в течение длительного времени своего существования не могла определить статус биофизиологического в структуре социального. С одной стороны, прецеденты инстинктивизма / фрейдизма / биологизма и связанных с ними редукционизмов служили хорошим «теоретическим пугалом» для любого попавшего на данное теоретическое поле. С другой же, эмпирические методы социологии чаще всего касались вопросов, проблематизированных не только в научном, но и в повседневном сознании. Вследствие этого многие нерелексированные тематики (которые на самом деле сущностно входят в структурный фундамент социального) долгое время оставались вне социологического

осмысления. Социология оказалась в клещах повседневности очевидного³ и (научно искусственно) проблематизированного, зачастую и искусственно категоризированного.

За пределами описанного вышеприведенными полюсами континуума оказались многие тематики – и (политически или экономически) невостребованные, и (научно и философски) чрезвычайно сложно рефлекслируемые, осмысливаемые и операционализуемые, и (повседневности) непроблематизируемые, и (слишком) очевидные. Огромная часть айсберга социологии знания⁴ оказалась из-за вышеописанной коллизии под поверхностью теоретического океана, и для объяснения причин этого равно, пожалуй, подходят все четыре приведенные выше резона.

Одним из фрагментов этого доселе ни научно, ни методологически непроблематизированного является и проблематика биофизиологического как результата и фактора знания, которым обладают люди. Биофизиологическое начало в современной социологии анализируется в нескольких аспектах: как элемент внешней окружающей среды для социальной системы (см., например, идеи Н. Лумана), как некое противостоящее социальному (и социализирующему) начало (как это делает Н. Элиас), как синоним телесности (и здесь крайне любопытный, безусловно, дискурс предлагают на грани с философией, гендеристикой, культурологией и ещё рядом дисциплин множество самых разнообразных исследователей), как рыночный конструкт и канал эксплуатации и отчуждения (здесь достаточно любопытные наработки имеют постмарксистские теоретики), наконец, как априорно преданный социальному фундамент (и из такой простейшей гипотезы исходит, часто даже не артикулируя того, множество самых разнообразных теоретиков – от структурных функционалистов до феноменологов).

В то же время перед социологией сама социальная жизнь и повседневная практика всё более остро ставит проблему биофизиологического как социального конструкта и, соответственно, знания (и на субъектном, и на институционально объективированном уровне) о биофизиологическом, и, соответственно, говоря более широко – проблему роли биофизиологического в конституировании ткани социального. Этому существенно способствуют процессы транспарентизации и опрозрачивания социального (описанные нами в [1]). Биофизиологическое перестаёт быть как сугубо дискурсивным полем специалистов, так и сугубо местом непроговариваемых, «грязных», «стыдных» практик биофизиологического. Это трансформирует как сам статус биофизиологического, так и специфику знания о нём, бытийствующего и воспроизводящегося в обществе.

Эта проблема тем более актуальна и важна для исследования, что с нею граничат такие маргинальные для традиционного социологического дискурса, но при этом остроактуальные тематики, как тематики эвтаназии как социального явления, смертной казни и её восприятия, соотношения интимности и публичности, социологии гастрономии (или «гастрономической социологии»), проблематик этикета, социальной гигиены, сексуальности, физиологических отклонений, спорта, физической культуры, здоровья и болезней, соотношения естественного и искусственного в человеческом теле, насилия, вопросы «равенства рисков», как их именно в силу их физии(ологи)ческой онтологии охарактеризовал Ульрих Бек в своей знаменитой книге [2], и даже вопросы «физиологического участия в политическом»⁵. Безусловно, охватить все эти проблематики даже в обзорном ключе в рамках одной статьи практически невозможно, поэтому в дальнейшем мы сосредоточимся не столько на разнообразных проявлениях биофизиологического и специфике этих проявлений, сколько на знании о нём, его (говоря бурдьевиistically-феноменологическими категориями) восприятии.

В связи с вышеизложенным целью нашей статьи будет анализ статуса биофизиологического в знаниевой структуре современного общества, для чего мы планируем изучить процессы, происходящие с биофизиологическим как знаниевым конструктом, проанализировать актуализацию биофизиологического в современном обществе, исследовать субстанциональность биофизиологического как такового.

Как мы аргументировали в [3], опираясь на разработки Хайнриха Попитца, Дж.Г. Мида и ряда других социологов, социальное конструируется не на основании учёта действия и смыслов второго («другого», «инового»). Тут наши идеи оказываются вполне конвергентными и работам синтетиков – таких, как Н. Элиас, П. Бурдьё, Э. Гидденс, которые апеллируют к «посредническим» структурам социального (таким, как прежде всего габитус, категориально свойственный концепциям перечисленных выше теоретиков) Собственно, идея габитуализированного социального вырастает именно из так или иначе снятой идеи «социального третьего» – как инстанции, существующей объективированно или

³ А вследствие этого – и повседневности категориального, двусмысленного, научно недефинируемого или дефинируемого с трудом.

⁴ Собственно, социологической отрасли, занимающейся, в первую очередь, знанием как фрагментом конституции социального.

⁵ Где, оказывается, принципиально важным и политически смылосодержащим аргументом является количество – а иногда, цинично выражаясь, и качество! – тел, которые тот или иной политик способен «выставить» на политический кон. Не мнений, не аргументов, не голосов, а именно тел и габитуализированного в них.

необ'єктивіровано в будь-якій точці соціального простору незалежно від його співвідношення з (біо)фізіологічним простором – інакше кажучи, незалежно від (со)присутства учасників (соціального) взаємодіяння.

Безумовно, що таке розуміння соціального сдвигує його, як ми аргументували там же, з світу детермінованості в світ ймовірності (як її позначив Н. Луман, «контингентності» [4]). Це найбільш афористично ухвачено саме Н. Луманом, інтерпретировавши контингентність як «ни неможливе, ні неминуче». Однак сама по собі ця ідея була «схвачена», «сфотографована» і імпліцирована в соціологічний дискурс набагато раніше. Прикладом такого імпліцивання може бути той же Х. Попітц з його «парадоксом соціальної онтології». По-німецьки нормативно постулював як якість основних умов існування суспільства прозорість інформаційного обміну, відкриває нормативних відхилень і діє санкцій за останні, він тут же уточнює, що всі ці умови забезпечують можливість соціального буття тільки лише в стані їх неідеальності.

Радикалізуючи вищеприведені висловлювання, можна сказати, що соціальність завжди знаходиться в проміжку між жорстко регульованим «можливо» і «ні». Інакше кажучи, соціальне неможливо в полюсі жорсткої детермінованості – не принципово, дозволяючої або забороняючої детермінованості. Знаходячись в такому полюсі, соціальне неминуче втрачає свою природу – в відмінності, наприклад, від правового (юридичного). Не цим ли фактом було визначено уточнення Н. Луманом того факта, що серед бінарних кодів є один універсальний – код моралі, який може бути використаний в будь-якій системі (економіки, політики, права, науки і т.п.) – незалежно від її «родного» бінарного коду? Вже саме мораль як бінарний код «добро – зло» возкладає на себе завдання кодифікувати і маркувати складноінтерпретуваними з точки зору інших бінарних кодів (більш «точних» з точки зору визначеності і операціоналізованості, але і, відповідно, менш гнучких і менш універсальних) феномени і процеси. І, відповідно, абсолютно по-іншому виглядає тенденція в сучасному глобальному світі до «заміщення», витіснення і заміни моралі іншими інструментами і інститутами соціальної регуляції без створення альтернативного бінарного коду, рівноцінного бінарному коду моралі.

Ці преамбульні ремарки були нам необхідні для того, щоб вказати на специфіку статусу біофізіологічного як в структурі соціального, так і в структурі знання про соціальне (нагадаємо, що ми розглядаємо ці структури не просто як з певною ймовірністю пов'язані, що властиво представителю «м'якої» традиції синтезу, де особливо варто відзначити крайню обережність концептуально і гносеологічно П. Бурдьє, а як структури, взаємно відображають і взаємно конструюють одна одну). В частині, наша головна гіпотеза заключається в тому, що знання про біофізіологічне в умовах сучасного суспільства стає все більш проговорюваним, прозорим, проблематизованим, все менш інтимним, динамічно сдвигуючись по осі (публічного) в бік публічності, з однієї сторони, але і знаходиться в межах декількох соціологічно важливих процесів, які будуть описані нами нижче.

Опрозрачнювання знання про біофізіологічне ми можемо особливо оцінити саме з урахуванням вищеприведених висловлювань. Відбувається, що опрозрачнювання знання взагалі і знання про біофізіологічне, в частині, не тільки несе в собі «шанс відкритого суспільства» (К. Поппер) і «визволення від можливості рабства підкорення ідеї» (Ф. фон Хайек), але і потенціал руйнування суспільства в тому вигляді, в якому ми його знаємо. Опрозрачнювання знання – паноптикумна метафора Мишеля Фуко, яка ще в середині ХХ століття була концептуалізована (правда, не соціологами) в культурних продуктах у вигляді кошмарних попереджень антиутопістів, а в кінці ХХ століття – представителю кіберпанку і посткіберпанку. Однак (нео)ліберальна ідеологія не просто ігнорувала ці попередження – вона поставила ряд із них собі на службу і в рецептуру. (Нео)ліберальне опрозрачнювання суспільства привело не тільки до ліогаровського краху метанарративів, але і до бодрийєвського розчинення соціальної структурності в «чорній дірі соціального», до редукції складної соціальної системності в соціально мертву масу мовчливого більшості. І немаловажну роль тут зіграло руйнування сокривності, латентизованості, заборонності і табуваності біофізіологічного, його публікація і експлікація. Більше того, ці процеси були інтенсифіковані проблематизацією біофізіологічного. Причому ця проблематизація взагалі не символічна, не знакова, не соціальна – це проблематизація біологічна або фізіологічна. Проблематизація біофізіологічного соціальними / символічними інструментами – феномен давно

известный в социологии и в истории общества⁶, тогда как сейчас мы наблюдаем проблематизацию биофизиологического не репрезентированного социальными средствами и инструментами, а биофизиологическое как биофизиологическое. Тематики, дискурсы и проблематики, ранее тщательно латентизируемые и подавляемые (фрейдовскими механизмами или элиасовскими – уже не столь важно), в современном обществе эксплицируются, дискутируются, ставятся под вопрос, переподчиняются социальному порядку уже не символически (как это осуществлялось с институционализацией биофизиологического порядка воспроизводства человеческого рода, например, или с институционализацией пищевых практик, описанных Н. Элиасом), а биофизиологически (иначе говоря, сама биофизиологическая природа переподчиняется социальному порядку, его требованиям и т.п. – а именно так, отбросив все лицемерные (чисто социальные, кстати, имеющие крайне мало отношения к биофизиологическому порядку) идеологемы, можно обозначить современные программы «сексуального просвещения», «популяризации нетрадиционных сексуальных ориентаций» и т.п. Это переподчинение является ничем иным, как существенным упрощением, редуцированием социального мира через устранение «опосредования» биофизиологического порядка и человеческого действия. Свидетельством этому являются и распространение биофизиологической тематики и проблематики в продуктах культуры (от рекламы до анекдотов, от фильмов до аватар в Интернете), и деинтимизация биофизиологического (о чём см. [6], правда, оценки Энтони Гидденса отличаются известной оптимистичностью и апологетичностью), и маркетизация биофизиологического, и политизация биофизиологического (последние два процесса являются частными случаями более общего процесса – процесса инструментализации и цинизации биофизиологического), и ряд других процессов, которые мы предлагаем проанализировать более детально.

Процесс **гиперактуализации биофизиологического**. Биофизиологическое (что плотно связано с превращением биофизиологического в предмет рынка) становится объектом целого культа в современном обществе, биологической и физиологической акцентуированности. Это проявляется как в культурных продуктах (текст которых без апелляции к непристойности, сексуальному, физиологическим отправлениям и т.п. обходится крайне редко, а зачастую центрируется вокруг них или на них), так и в повседневных практиках (в которых «планка пристойности» снижается социологически весьма заметно, а сама пристойность деуниверсализируется, партикуляризируется и десанкционируется, то есть лишается своей санкционирующей и наказующей силы). Ещё более (публично) заметный аспект этого же процесса – растворение личной социальности (интимности) в публичной. Бигборды вроде «Дякую, сонечко, за дитинку» (результат личного наблюдения автором в г. Кировограде) или бигборды с признаниями в любви, предложениями руки и сердца и т.п. становятся нормой и даже объектом гордости. Более того, интимность и биофизиологическое всё более интенсивно «привязывается» к социальным артефактам (статусам, вещам, отношениям) без опосредующих, преломляющих институций и полей. Так, всё более открытым по своей природе становится феномен «брачного рынка», всё более откровенным становится рынок торговли человеческими органами, всё более проникают в повседневность обывателя практики биофизиологического, ранее невообразимые или категоризовавшиеся как неприличные (от эвтаназии до просмотра видеозаписей с акцентированием на биофизиологических отправлениях и реалиях).

Эта гиперактуализация процессуально необходима прежде всего в целях элиминации вышеуказанных инстанций преломления и опосредования между биофизиологическим и социальным, поэтому зачастую она протекает именно в гипертрофированных, чрезмерных и очевидно гротескных формах (и потому же мы и используем соответствующую приставку в обозначении процесса).

Вторым процессом является процесс **публицизации, деинтимизации и эксгибиционизации биофизиологического**. В частности, объектом демонстративности и эксгибиционизации становится здоровье, становящееся всё больше предметом (ток-)шоу, медиадискурса, дискурса социальных сетей. Факт болезни перестаёт быть объектом стыда и сокрытия, он перестаёт быть объектом умалчивания или хотя бы неакцентирования – наоборот, он становится объектом акцентирования, *making policy* (используя эту категорию на микроуровне) в социальном и экономическом смыслах. Болезнь, физиологический недостаток, биофизиологический эпатаж или биофизиологическая демонстративность становятся инструментом достижения социального, экономического, политического, культурного статуса в ранее недоступных, непрозрачных и социально грубых действиях. Болезнь автора синдромом Дауна становится единственной причиной для сотен и тысяч подписчиков на страничку в социальной сети, физиологическая

⁶ В этом смысле очень показательны структуры курсов вроде «Социология тела» (см., напр., [5]). Структура и тематика курса апеллирует к сугубо социальным феноменам и процессам – практикам, репрезентациям, воспроизводству социального порядка, дисциплинарности, потреблению, киберпространству, проектируемости тела, тогда как биофизиологический порядок человеческого тела в (ре)конструировании социального остаётся вне интересов социологов.

проблема становится главным поводом электорального выбора, история с биофизиологическим эпатажем или скандалом становится важнейшим элементом publicity какого-нибудь художника (или «художника»).

Способствует этому становление целой индустрии публичности и телесности, особенно телесности в биофизиологическом порядке общества. Так, важное место в этой индустрии занимает спорт, который, начиная с акцента на телесности и заканчивая актуализацией темы допинга, всё более обнажает биофизиологическое, освобождая его от сугубо символической (государственная принадлежность, сублимированная война и прочие интерпретации спорта) нагрузки в пользу биофизиологического содержания.

Ещё одним комплиментарным и каталитическим фактором является расширение пространства свободного в современном обществе, дюмазедьевская трансформация общества в общество досуга и праздника. Праздник, в отличие от рутинизированной и институтированной повседневности, является комфортным и прагматически удобным каналом опубликования интимного. Эта комфортность и прагматическая релевантность проистекает из самой природы праздника, апеллирующего к сакральному (в обоих дюркгеймовских смыслах – и сакральному как максимально возвышенному, и сакральному как отвратительно низкому, в обоих смыслах сакральному как запрещённому). Сакральное, закладываясь в фундамент социального (как согласно Дюркгейму или Моссу, так и согласно его последователям и оппонентам из Коллеж де Сосиологи или антропологических штудий), обладает потенциалом социальной деструкции или реконструкции. Именно поэтому праздники облегчают и упрощают манифестацию биофизиологического всю историю человеческой цивилизации, однако, в отличие от многих предыдущих эпох её развития, инсталлированная и легитимированная биофизиологичность в социальном не исчезает с исчезновением или окончанием праздника (не исключено, что именно из-за количественного и качественного роста феномена цивилизации досуга), а остаётся, снимается и переносится на дальнейшие практики и институты.

Связанным с предыдущими процессами является процесс **маркетизации и коммерциализации (в том числе капитализации) биофизиологического**. Здесь немалую роль, как мы указывали в первой части нашей статьи, сыграла (нео)либеральная идеология «контрактизации» всего и вся (от брачности до религиозности, от национальности до гражданственности – см., например, *casus Depardieu*). Одним из примеров такой контрактизации является возникающее в общественном дискурсе предложение зарплаты для патронатных родителей: экономическое стремится подменить собой социальное, бинарный код денег – бинарный код морали. Другим примером являются «агентства алиби», которые создают алиби физического пребывания человека в конкретной точке физического пространства (для решения социальных вопросов и социальных проблем, безусловно, и экономическими при этом средствами). За этими процессами маркетизации и коммерциализации стоит более общий процесс опосредования социального (или построения прокси-социальности), но это предмет более широкого и глубокого рассмотрения, не входящий в задачи данной статьи.

Примыкает к этому процессу контрактизации и маркетизации биофизиологического и распространение идей «свободной продажи оружия», и практики использования различных оружейных и близких к ним артефактов. Если биофизиологическое не является предметом непроговариваемых очевидностей, если социальный мир наполняется непредсказуемостями, гиперконтингентностями, сдвигающимися от необходимого и неизбежного к невозможному и невероятному, то практики использования оружия становятся легитимным аргументом в дискурсивных и недискурсивных практиках биофизиологического.

В целом контрактизация биофизиологического, в частности, и социального вообще является индикатором ещё более глубинного процесса, а именно процесса падения непроговариваемого. Непроговариваемое (очевидное, габитуализированное, доксичное) является обязательным и неотъемлемым атрибутом любой ткани социального (хотя о следовании социологом доксичному мышлению много и со вкусом писал П. Бурдьё, но это не отрицает значимости доксического мышления в конституции повседневного мира), а контрактизация ткани социального приводит к тому, что любое действие, ценность, норма, правило, институт могут оказаться под критической стрелой вопрошающего, сомневающегося, иронизирующего, постмодернистски отрицающего разума (или безумия, что иногда синонимично). Падение непроговариваемого в отношении биофизиологического приводит к транспарентизации знания о биофизиологическом, его дополнительной проблематизации, постановке под вопрос и его социальной дискурсивной обработке.

В силу этого биофизиологическое, контрактизуясь и маркетизируясь, становится предметом торга и, соответственно, опосредованного воспроизводства. Возникает феномен **делегирования биофизиологического**, когда биофизиологические компетенции, биофизиологические артефакты, биофизиологические феномены конструируются (причём именно как биофизиологические феномены, а не

как социальные знаки таковых) делегированным или опосредованным образом. Типичным примером этого являются распространяющиеся услуги кулинаров внаём дома у покупающего их услуги: таким образом опосредованно воспроизводится одна из базовых компетенций биофизиологического, причём воспроизводится как компетенция покупателя (эти кулинары зачастую приглашаются перед свиданием дома у покупателя, или перед светским раутом / званым ужином и т.п., тем самым превращаясь в «купленную компетенцию» квалифицированного кулинара). Делегирование биофизиологического возможно и на уровне феноменов здоровья, и на уровне феноменов телесного, и на уровне феноменов сексуального.

Вследствие всего указанного **биофизиологическое становится частью (псевдо)социального**. Иначе говоря, биофизиологическое становится инструментом решения, способом бытия и модусом осмысления социальных и псевдосоциальных процессов и явлений. Так, волонтерство и донорство существуют в современном мире не только как тупик дискретной экономизации, не только как костыль экономического (не способного выполнить свои насущные функции и решить реальные материальные проблемы общества), взятый займы у социального, но и как инкорпорирование биофизиологического в ткань социального, причём зачастую на правах псевдосоциальных явлений.

В частности, одним из таких направлений инкорпорирования биофизиологического является **политическое пространство онтологии биофизиологического**. И здесь мы не говорим о таких сугубо социологических аспектах этой проблематики, как тело в означивании политического пространства, тело в означивании политической точки – эта проблема не выходит за пределы описанной нами выше социолого-редукционистской парадигмы изучения биофизиологического в ткани социального. Мы здесь говорим о новой роли биофизиологического в политическом: биофизиологическое становится «способом заполнения» политического пространства⁷, становится предметом политики (здесь особенно значимы новые способы конструирования идентичностей, апеллирующие к биофизиологическому), инструментом политики (реактуализируются вопросы происхождения, чему свидетельство - институт «неграждан»; другим примером является отказ со стороны женщин Южного Судана своим мужьям в сексе до того, как они сумеют окончить войну⁸), (со)участником политики (экологический камуфляж политического действия, например), фактором политики (так, легитимным в дискуссии министров современной европейской вроде бы как страны становится происхождение⁹).

Безусловно, линия политизации биофизиологического без параллельной сигнификации и симулякризации требует дальнейшей разработки и изучения, в том числе с привлечением идей и методологии того же Бруно Латура (с попыткой рассмотреть биофизиологическое как один из модусов существования вещиности). Однако сам факт десигнификации биофизиологического в политике, прекращения процессов преломления биофизиологического в специфичных кодах и правилах политики, экономики, социального является крайне показательным.

Мы отметили далеко не все возможные линии и направления исследования избранной нами темы. К дальнейшей концептуализации предполагается анализ делегированной, маркетизированной и коммерциализированной социальности как среды, которая лишает агента шанса на субъектность (и здесь любопытным разворотом является, к примеру, проблематика социологии как посредника, десубъективирующего субъектов до уровня электората, посредника между властью и людьми).

Кроме того, важным направлением дальнейшего исследования является проблематика биополитики, поднятая в онтологии ненадёжности таким современным исследователем, как Паоло Вирно (см., например, [7]). Эта проблематика, в полный голос заявленная в социологии и философии Мишелем Фуко, сейчас приобретает особую значимость. Так, социологически интересным (и, отметим, политически и праксеологически важным становится вопрос разграничения интимности, приватности, публичности и других пространств – к примеру, было бы слишком социологически легкомысленным отнести цех завода, аудиторию вуза или офис фирмы однозначно к публичности или приватности, в том числе и с точки зрения политики биофизиологического). Снова-таки с точки зрения политики биофизиологического и знания повседневных агентов о нём совершенно с иной стороны предстаёт вопрос соотношения идентичностей долга, интереса, традиции (истории), рациональности и прочих идентитетов.

Таким образом, биофизиологическое, длительное время в истории человеческого общества являясь не столько субстанциональным фундаментом антропологического индивидуального бытия,

⁷ И здесь мы с нашим коллегой PhD in Political Sciences М.А. Безносковым предлагаем такой концепт, как концепт кландемократии.

⁸ www.utro.ru/news/2011/02/07/954647.shtml; что, безусловно, апеллирует к мифу о Лисистрате, но не становится от этого менее значимым элементом современной социальной ткани.

⁹ <http://lenta.ru/news/2014/10/23/minister1/>

сколько продуктом социальных процессов конструирования, атрибутивно знаниевым и принципиально деконструируемым как учёными, так и интервенционистски агрессивными социальными институтами рынка, рекламы, политики, маркетинга, управления, права, сейчас всё более интенсивно меняет свой статус и свою онтологию в социальном мире, что требует существенной смены исследовательской оптики в его отношении.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Голиков А.С. Укоренённость социального в знании: пределы прозрачности и угрозы опосредования / Александр Голиков // Вісник Одеського національного університету. Серія: Соціологія і політичні науки. Науковий журнал. – Том 18. – Випуск 3 (19). – 2013. – С. 46-52. 2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек Пер. с нем. В. Седельника и Н.Фёдоровой; посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. 3. Голиков О.С. Актуалізація соціального в умовах суспільства, що глобалізується: виклики кризової соціальності й теоретичні виклики соціології / Олександр Голиков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Випуск 19. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – С. 77-83. 4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Луман Н. – СПб.: «Наука», 2007. – 644 с. 5. Нартова Н.А. Современные социологические подходы к телу и телесности : Программа учебной дисциплины / Нартова Н.А. – СПб.: НИУ ВШЭ, 2011. 6. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э.Гидденс – СПб.: Питер, 2004. – 208 с. 7. Вирно Паоло. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Вирно Паоло. Перевод с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.